

Н. А. Сердобов

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Советская историческая наука придает очень большое значение разработке этнической истории народов Сибири, которые лишь после Великого Октября получили возможность подлинного национального развития. Важной вехой в развитии сибиреведения является выход пятитомной «Истории Сибири»¹. Это издание и другие труды² способствовали организации и координации широких комплексных научных исследований по истории народов Сибири. Видное место в исследованиях по этнической истории Южной Сибири занимают работы Л. Р. Кызласова. К сожалению, некоторые его выводы вызывают возражения. Например, феодальное государство енисейских киргизов-кочевников (названное им «древне-хакасским») и его правителей Л. Р. Кызласов наделяет несвойственными им чертами, принимая в то же время роль и значение в историческом процессе племен, обитавших на территории современной Тувы и Горного Алтая.

Эти области, как и территория северо-западной Монголии, именуются автором княжествами или улусами «древнехакасского» государства³.

Известно, что в 840 г. енисейские киргизы, разгромив уйгуров, захватили обширные районы Южной Сибири и Центральной Азии и установили здесь военно-феодальный режим. Поэтому трудно согласиться с оценкой Л. Р. Кызласовым деятельности киргизских феодальных правителей в IX в. Он приписывает им лишь оборонительные мотивы: «Хакасам,— пишет он,— важно было прежде всего освободить от уйгуров территорию Тувы и разгромить уйгурскую мощь, чтобы ликвидировать возможность нового уйгурского завоевания»⁴.

Утверждение Л. Р. Кызласова о стремлении «хакасов» обезопасить себя от уйгурской экспансии противоречит известным нам историческим фактам. Уйгуры не проникали к северу от Саян, а напротив, строили на территории Тувы сложные оборонительные сооружения, чтобы защитить себя от вторжения енисейских киргизов с севера⁵. Впрочем, это ясно и

¹ «История Сибири с древнейших времен до наших дней», тт. 1—5, Л., 1968—1969.

² С. И. Вайнштейн, Происхождение и историческая этнография тувинского народа, М., 1969; Л. П. Потапов, Этнический состав и происхождение алтайцев, Л., 1969 и др.; см. также «Материалы конференции „Этногенез народов Северной Азии“», вып. I, Новосибирск, 1969.

³ Л. Р. Кызласов, История Тувы в средние века, М., 1969, стр. 124.

⁴ Л. Р. Кызласов, Указ. раб., стр. 94.

⁵ С. И. Вайнштейн, Средневековые оседлые поселения и оборонительные сооружения в Туве, «Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории» (далее УЗТНИИЯЛИ), вып. VII, Кызыл, 1959.

для самого автора, который несколькими страницами раньше пишет: «Уйгурские городища и крепости, как и вся оборонительная линия, были предназначены для прикрытия наиболее плодородных земель центральной и западной Тувы, где находились основные пахотные земли, от вторжения северных врагов — древних хакасов»⁶. Нельзя согласиться также с утверждением автора, что военная экспансия правителей «древнехакасского государства» была связана со стремлением их к сближению с Танской династией Китая⁷. Едва ли есть основание сомневаться в том, что внешняя экспансия «древнехакасских» правителей определялась их классовыми интересами, на что в свое время справедливо обратил внимание С. В. Киселев, который писал: «Война, как средство ослабления социальных противоречий у себя дома, определяет «внешнюю политику» не одних только кыргызов»⁸. Факты говорят, следовательно, не о мирных акциях, «древнехакасской» феодальной знати, а о ее военно-феодальной экспансии, приносившей многочисленные бедствия как населению, подвергавшемуся нападению, так и собственному народу.

Определенная идеализация «древнехакасского» государства сказывается также в следующих утверждениях Л. Р. Кызласова, не опирающихся на фактический материал. Он пишет, например, о широком распространении грамотности «в древнехакасском» государстве, причем «не только среди знати, но и среди простого народа», о наличии «каких-то школ и, во всяком случае, учителей» о том, что «знатные хакасы не удовлетворялись „домашним образованием“ своих детей и посылали их ...за границу в киданьское государство Ляо». Мы встречаем у Л. Р. Кызласова и утверждение, что «некоторые хакасские юноши к пятнадцати годам уже были достаточно грамотны, и наиболее способные из них посылались для продолжения образования в Северный Китай». По предположению Л. Р. Кызласова, «в древнехакасском государстве была своя литература, были рукописные книги... Должна быть и переводная литература...». Не менее сомнительно также утверждение, что для населения «древнехакасского», государства было «характерно знакомство с культурой запада и востока. Этому способствовали широкие культурные, торговые и посольские связи. Сами хакасы в ту пору ездили в Среднюю Азию, Восточный Туркестан, Тибет, Китай, киданьское государство Ляо...». «Слава о древнехакасском государстве в эпоху его расцвета была распространена очень широко»⁹.

Едва ли нужно доказывать, насколько далека от истины подобная характеристика «древнехакасского» государства кочевников. Л. Р. Кызласов сам пишет, что в состав «древнехакасского» государства входили, кроме тюркоязычного «рода» киргизов, самодийские, кетские и угорские племена или родо-племенные группы, которые в то время еще находились в процессе тюркизации. Тюркоязычная енисейская письменность, приписываемая автором «древним хакасам», конечно, не могла быть, вопреки его заявлению, «литературным языком»¹⁰. Существование енисейской рунической письменности, доступной в какой-то степени только тюркоязычным племенам, не может служить подтверждением языковой общности сложного по этническому составу населения «древнехакасского» государства.

В статье «Новая датировка памятников енисейской письменности» проводится мысль, что известная енисейская руническая письменность тюрков создана «древними хакасами». Письменные памятники, найденные в Туве (к настоящему времени обнаружено более 60 надписей), при-

⁶ Л. Р. Кызласов, Указ. раб., стр. 84.

⁷ Там же, стр. 94.

⁸ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М.—Л., 1951, стр. 598.

⁹ Л. Р. Кызласов, Указ. раб., стр. 126—129.

¹⁰ Там же, стр. 91.

надлежат, считает Кызласов, «древним хакасам». Только две надписи он относит к местным племенам Тувы, которые, по его мнению, позаимствовали письменность не у тюрков или уйгуров, а у «древних хакасов»¹¹. Ряд тюркологов уже показали ошибочность и тенденциозность данного утверждения¹². Таким образом, Л. Р. Кызласовым рисуется далекая от объективности картина исторического прошлого современных тувинцев, хакасов, алтайцев и других народов Южной Сибири.

Стремление к односторонней оценке «древнехакасского» государства вытекает, очевидно, из концепции автора, пропагандируемой им на протяжении ряда лет. Суть ее сформулирована им в специальной статье. Автор пишет: «Кыргыз — есть древний аристократический династический род средневековых хакасов. Хакас — есть общее имя слагавшейся в VI—XII веках средневековой народности Саяно-Алтайского нагорья, процесс развития которой грубо прерван монгольским нашествием в начале XIII века. Кыргызов как особого народа на Енисее никогда не было и нет никаких данных для утверждения, что слово «кыргыз» когда-либо было самоназванием всего населения Хакасско-Минусинской котловины... Создали это государство и населяли его в VI—XII веках древние хакасы, и потому историческая справедливость обязывает нас называть его государством древних хакасов»¹³.

Как видно, Л. Р. Кызласов основывает свою концепцию на противопоставлении известных по письменным источникам двух терминов — «кыргыз» и «хягяс», выдавая их за разные названия и придавая им различное толкование. При этом термин «хягяс» он заменяет словом «хакас» и решительно заявляет следующее: «Совершенно очевидно, что записанное китайцами в VI—VII вв. чужеземное слово «хакас», вопреки мнению ряда исследователей, нельзя считать транскрипцией тюркского слова «кыргыз», эквивалентом которого является китайское «гяньгунь»¹⁴. Можно только удивляться, что Л. Р. Кызласов поправляет выводы ряда лингвистов-синологов, установивших, что термин «хягяс» является китайской записью названия «киргиз».

Недавно специально по этому вопросу выступил один из авторитетных советских синологов С. Е. Яхонтов¹⁵. Опираясь на китайские источники и на новейшие достижения в исследовании исторической фонетики китайского языка, С. Е. Яхонтов показал, что этноним киргиз «в разное время записывался по-разному: (1) гэгунь (гэкунь), (2) гяньгунь (гянькунь), (3) кигу, (4) гегу, (5) хэгусы, (6) хягясы»¹⁶. В отношении формы «хягясы» автор замечает: «Правда, существует мнение, что последняя из этих форм — (6) хягясы — обозначает другое слово (произношение которого реконструируется как хакас) и имеет иное значение, чем остальные. Однако в китайских источниках все перечисленные формы рассматриваются как название одного и того же народа или государства»¹⁷. С. Е. Яхонтов указывает, что реконструкция «хягясы» как «хакас» не

¹¹ Л. Р. Кызласов, Новая датировка памятников енисейской письменности, «Сов. археология», 1960, № 3, стр. 98; его же, История Тувы в средние века, стр. 116.

¹² И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин, Современная и древняя Енисейка, Фрунзе, 1962; И. А. Батманов, О датировке енисейских памятников древнетюркской письменности, УЗТНИИЯЛИ, вып. X, 1963; С. И. Вайнштейн, Курганы и стелы с древнетюркской надписью в урочище Хербис-Баары, там же.

¹³ Л. Р. Кызласов, Взаимоотношение терминов «хакас» и «кыргыз» в письменных источниках VI—XII веков, «Народы Азии и Африки», 1968, № 4, стр. 97; перепечатано: Л. Р. Кызласов, Взаимоотношение терминов «хакас» и «кыргыз» в письменных источниках VI—XII веков, «Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории» (далее УЗХНИИЯЛИ), вып. XIII. Абакан, 1969, стр. 19—20.

¹⁴ Л. Р. Кызласов, История Тувы в средние века, стр. 89.

¹⁵ С. Е. Яхонтов, Древнейшие упоминания названия «киргиз», «Сов. этнография», 1970, № 2.

¹⁶ Там же, стр. 110.

¹⁷ Там же.

может быть принята. Также не может быть сближена с китайским названием «хягясы» и современная форма хаас, как это предлагает Л. Р. Кызласов.

С. Е. Яхонтов делает по данному вопросу следующее заключение: «Среди перечисленных китайских названий наиболее обычными являются (2) гяньгунь, (4) гегу и (6) хягясы. Везде, где эти наименования выступают в пределах одного и того же текста, как в уже упоминавшемся разделе о хягясы в «Новой истории Тан» или в разделе о гегу в «Тан хуйяо», они определенно считаются равнозначными, и это специально оговаривается. Только в текстах компилятивного характера, включающих ряд отрывочных заметок различного происхождения, эти названия могут употребляться параллельно, не будучи отождествляемыми»¹⁸.

Таким образом, термин «хягясы», интерпретируемый Л. Р. Кызласовым как особое название народа — хакас, отличного от кыргызов, на самом деле отражает исходную форму названия «киргиз»¹⁹. Но возникает вопрос, чем же вызвана столь пристрастная приверженность Л. Р. Кызласова к термину «хакас», настойчивое стремление противопоставить его названию «киргиз»? Скорее всего, здесь проявляется желание связать этот термин с современным наименованием советской народности, проживающей в Хакасской автономной области. Однако нужно сразу же оговориться, что современное наименование хакасской народности, окончательно сформировавшейся только в условиях Советского государственного строя, не является ее древним самоназванием. Ближайшие исторические предки этой народности — качинцы, сагайцы, бельтиры и др. (в том числе и енисейские киргизы XVII в.) — никогда себя хакасами не называли и даже не знали этого термина²⁰.

Стремление отвести ведущую роль в истории Южной Сибири и Центральной Азии «древним хакасам», «обосновать» историческую и этногенетическую преемственность между ними и современными хакасами отчетливо выступает и в ряде других работ Л. Р. Кызласова²¹. В рамках данной статьи невозможно рассмотреть все эти вопросы.

Необходимо отметить, что ошибочные взгляды Л. Р. Кызласова нашли последователей. Более того, была предпринята попытка распространить эту концепцию и на поздний период (XVII — начало XX в.) истории Южной Сибири²², хотя данный период хорошо освещен фактическими материалами русских письменных исторических источников и в ряде исследований советских ученых²³. В статье К. Г. Копкоева, посвященной этногенезу современной хакасской народности, енисейские киргизы XVII в., также именуются хакасами²⁴, несмотря на то, что термин «хакас» не только не упоминается в каких-либо источниках, как уже говорилось

¹⁸ С. Е. Яхонтов, Указ. раб., стр. 111.

¹⁹ Вполне естественно, что и в «Сокровенном сказании» монголов и в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина на Саяно-Алтайском нагорье фигурирует народ и область киргиз, а не хакас.

²⁰ См. Л. П. Потапов, Происхождение и формирование хакасской народности, Абакан, 1957.

²¹ См., например, Л. Р. Кызласов, Из истории племен Саяно-Алтайского нагорья в XIII—XV вв., УЗХНИИЯЛИ, вып. XI, 1965.

²² К. Г. Копкоев, Некоторые данные к вопросу о происхождении хакасов, УЗХНИИЯЛИ, вып. VIII, Абакан, 1960; его же, Об угоне «енисейских киргизов» в Джунгарию в начале XVIII века, УЗХНИИЯЛИ, вып. XI, Абакан, 1965; В. Г. Карцов, Хакасия в период разложения феодализма (XVIII — первая половина XIX в.), Абакан, 1970; М. И. Боргояков, К вопросу о формировании общенародного хакасского языка, в сб. «В братской семье народов», Абакан, 1968.

²³ С. В. Бахрушин, Научные труды, т. III, Избранные труды по истории Сибири XVI—XVII вв., ч. II, М., 1955; Л. П. Потапов, Происхождение и формирование хакасской народности; Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., М., 1960, и др.

²⁴ К. Г. Копкоев, «Енисейские киргизы» и этногенез хакасов, УЗХНИИЯЛИ, вып. XIII, стр. 21—38.

выше, но и вообще не был известен местному населению, о чем свидетельствует большая этнографическая литература. К. Г. Копкоев считает енисейских киргизов лишь родом (сеоком) хакасов. Говоря о хакасах, он имеет в виду как феодальные улусы енисейских киргизов XVII в., так и ряд мелких родо-племенных групп, различных по языку и происхождению, представлявших собой киргизских киштымов-данников.

Единственное доказательство, которое приводит К. Г. Копкоев, это ссылка на малочисленность енисейских киргизов в XVII. При этом автор игнорирует хорошо известные документальные данные, которые противоречат его утверждениям. В исследовании Б. О. Долгих численность киргизов определена в 4000—5000 чел.²⁵, К. Г. Копкоев же пытается определить эту численность в 1000—1500 чел. Остается только поражаться, каким образом малочисленный сеок мог выдвинуть из своей среды такое количество князей и на протяжении всего XVII в. доставлять крупные неприятности местным царским властям. Неясно также, как мог этот род (сеок) почти непрерывно в течение XVII в. производить вооруженные набеги на мирное местное население и русских поселенцев, грабить, разорять жилища, уводить в плен своих же «хакасов»?²⁶

К. Г. Копкоев не только отрицает существование «„знаменитых“ енисейских киргизов», как народа, но еще пытается утверждать, что енисейские киргизы не имели в Минусинской котловине своей территории²⁷, так как большая часть Минусинской котловины, именовавшаяся в русских исторических документах начала XVII в. «киргисские земли» или «киргиссы»²⁸, была заселена будто бы лишь «хакасскими племенами», под которыми он имеет в виду упомянутых выше киргизских киштымов (т. е. кетоязычных аринов, коттов, ястынцев, асанов, самодийскоязычных койбалов и маторов, тюркоязычных качинцев, сагайцев, бельтиров, кызыльцев и т. д.).

Автора не смущает, что киргизы, объявленные им аристократическим «династийным» родом, не имели своей земли. Династийный род без земли — теоретически малооправданная историческая реконструкция. Вполне понятно отсюда, что К. Г. Копкоев обходит вопрос о том, на какой экономической основе держалась власть сеока (рода) енисейских киргизов, разброшенного будто бы среди «хакасских племен или этнических групп»²⁹, если киргизы не были собственниками обширной территории и не имели своей земли. Здесь ясно выступает забвение автором одного из важнейших методологических принципов исследования советских историков — классового подхода к изучаемым явлениям. Разве мог состоять сеок-род, численность которого составляла (даже по Копкоеву) около 1500 чел., только из одной знати и не иметь в своем составе рядовых труженников, угнетаемых и зависимых. Разве можно также рассматривать всех разноязычных киштымов-данников (по К. Г. Копкоеву до 10 000 чел.)³⁰ как социально однородную массу, угнетаемую только киргизским родом.

Утверждая вслед за Л. Р. Кызласовым, что енисейских киргизов как народа не существовало уже с VI в., К. Г. Копкоев приходит в то же время к выводу, что «хакасы (речь идет о современных хакасах — Н. С.) — прямые потомки древних кыргызов Енисея»³¹. Другими словами, утверждается, что современные хакасы являются прямыми потомками «рода»

²⁵ Б. О. Долгих, Указ. раб., стр. 117.

²⁶ Большой фактический материал по этому вопросу см. в книге Л. П. Потапова «Происхождение и формирование хакасской народности», в главе «Енисейские киргизы», стр. 11—69.

²⁷ К. Г. Копкоев, «Енисейские киргизы» и этногенез хакасов, стр. 30.

²⁸ Г. Миллер, История Сибири, т. I, М.—Л., 1937; стр. 412; З. Я. Бояршина, Население Томского уезда в XVII в., «Труды Томского гос. ун-та», т. 112, Томск, 1950.

²⁹ К. Г. Копкоев, «Енисейские киргизы» и этногенез хакасов, стр. 30, 31.

³⁰ Там же, стр. 29.

³¹ Там же, стр. 38.

енисейских киргизов, главенствовавшего в «древнехакасском» государстве, потомками правителей этого государства.

Если придерживаться объективной позиции, то нет никаких оснований сомневаться в большой роли, которую играли енисейские киргизы как народ, в этнической истории населения Саяно-Алтайского нагорья с периода раннего средневековья и вплоть до начала XVIII в., когда они оказались раздробленными и в большей своей части насильственно уведёнными в Джунгарию. Известно, что енисейские киргизы вошли одним из этнических компонентов не только в состав современной хакасской народности, сложившейся на основе смешанного этнического субстрата. Этот компонент устанавливается и в составе современных тувинцев, среднеазиатских киргизов, алтайцев и др.³² Нет никакой нужды умалать эту роль и превращать енисейских киргизов в «династийный» сеок-род (неизвестно, каким образом сохранившийся в этом виде на протяжении почти полутора тысяч лет), как недопустимо превращать их и в хакасов. Современная хакасская народность, как бы поздно она ни сформировалась, внесла непосредственно и через своих многочисленных предков вклад в историю культуры народов Южной Сибири. Современные хакасы могут по праву гордиться своей историей, особенно советского периода, своими традициями, сформировавшимися в процессе революционной борьбы и социалистического строительства. История современного хакасского народа не нуждается ни в ее удревлении, ни в идеализации, ни в приукрашивании, тем более за счет искажения и умаления роли других народов.

SOME NOTES ON THE ETHNIC HISTORY OF SOUTH SIBERIAN PEOPLES

The progress of Soviet historical science in the field of Siberian studies is noted in the article. At the same time the author remarks upon what he considers as profoundly erroneous theses propounded by certain researchers in the history of South Siberian peoples (L. R. Kyzlasov, K. G. Kopkoyev). First and foremost these authors deny that the Yenisey Kirghiz are one of the earliest peoples of South Siberia and limit their role to that of a dynasty clan of the Mediaeval Khakass (a nationality nowhere mentioned in written sources). The use of the term Khakass with regard to the Mediaeval population of South Siberia is an erroneous linguistic reconstruction of a Chinese name for the Kirghiz — «Khiagasy». The author also regards as incorrect the attempt to introduce into scientific literature an «early Khakass state» in place of the well-known Mediaeval state of the Kirghiz and to attribute to it an excessively (for that period) high level of cultural development, also an «early Khakass written language» instead of the Yenisey Turkic written language, etc. The erroneousness of identifying the «Early Khakass» as direct historical ancestors of the present-day Soviet Khakass nationality is shown; this latter was formed in the XVIII—XX centuries from various Turkic-speaking, Samodian and Ket-speaking components.

³² С. И. Вайнштейн, Очерки этногенеза тувинцев, УЗТНИИЯЛИ, вып. V, Кызыл, 1957; В. П. Алексеев, Происхождение хакасского народа в свете антропологических данных, сб. «Материалы по истории, археологии и этнографии Красноярского края», вып. I, Красноярск, 1961.